

Цокуренко С.С.

Tsokurenko S.S.

соискатель Краснодарского университета
МВД России
г. Краснодар

post-graduate student of Krasnodar University of
Russian Ministry of Internal Affairs,
Krasnodar

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАСИЛИЯ

THEORETICAL APPROACHES TO DETERMINATION OF VIOLENCE

Аннотация:

В статье проводится анализ различных теоретических подходов к трактовке понятия насилия.

Ключевые слова:

Насилие, ненасилие, теория завоевания.

The summary:

The article analyzes the various theoretical approaches to the interpretation of the concept of violence.

Keywords:

Violence, nonviolence, theory of conquest.

Одна из трудностей в изучении насилия, состоит в том, что среди ученых отсутствует единство в понимании сущности этого явления. Так, А.И. Кугай пишет, что насилие – это подавление или принудительное ограничение свободы воли социального субъекта, обусловленное действиями социальных сил: стремящихся к власти, ее осуществляющих, утверждающих определенный социальный идеал. С близких позиций анализирует насилие И.М. Липатов, который считает, что насилие есть идеологически обусловленная и материально обеспеченная деятельность классов, наций, социальных групп и реализующих их цели социальных институтов, направленная на применение средств принуждения, с целью завоевания, удержания, использования государственной власти, достижения господства на международной арене, управления социальными процессами в классовых интересах.

Поэтому можно сделать вывод, что, перечисленные авторы трактуют насилие достаточно широко, включая в него все формы принудительного воздействия (физические, психологические, экономические и т.д.).

Теория насилия (завоевания) возникла и получила распространение в конце XIX – начале XX в. Ее основоположники Л. Гумплович, К. Каутский, Е. Дюринг и др. опирались на известные исторические факты (возникновение германских и венгерских государств). Мать государства, утверждают сторонники теории насилия, – война и завоевание.

Е. Дюринг считал, что основой общественного развития являются формы политических отношений, а экономические явления – это следствие политических актов. Первоначальный фактор возникновения государства следует искать в непосредственной политической силе. Общество, по мнению Е. Дюринга, состоит, по меньшей мере из двух человек. Две человеческие воли как таковые вполне равны друг другу, и ни одна из них не может предъявить другой никаких положительных требований. При таком положении дела, когда общество состоит из двух равных лиц, неравенство и рабство невозможны. Для объяснения происхождения государства Е. Дюринг образно привлекает третьего человека, так как без него нельзя принимать решение большинством голосов, а без подобных решений, то есть без господства большинства над меньшинством, не может возникнуть государства. По его мнению, собственность, классы и государство возникают как результат насилия одной части общества над другой.

Австрийский социолог и государствовед Л. Гумплович является представителем теории внешнего насилия. Он писал: «История не предъявляет нам ни одного примера, где бы государство возникало не при помощи акта насилия, а как-нибудь иначе. Кроме того, это всегда являлось насилием одного племени над другим, оно выражалось в заво-

евании и порабощении более сильным чужим племенем более слабого, уже оседлого населения». Л. Гумплович переносит закон жизни животных на человеческое общество, чем биологизирует социальные явления. По его словам, над действиями диких орд, обществ, государств царит сложный закон природы.

К. Каутский также видит источник государства во внешнем насилии, в войнах. Племя-победитель, по его утверждению, подчиняет себе побежденное племя, присваивает землю этого племени, а затем принуждает его систематически работать на себя, платить дань или подати. В результате такого завоевания возникает деление на классы, а принудительный аппарат, создаваемый победителями для управления побежденными, превращается в государство. К. Каутский пишет, что лишь там, где имеет место внешнее насилие, «возникает деление на классы, но не вследствие деления общины на различные подразделения, но вследствие соединения в одно двух общин, из которых одна делается господствующим и эксплуатирующим, другая – угнетенным и эксплуатируемым классом». Таким образом, согласно теории насилия, войны, насилие одних племен над другими рассматривается и в качестве основных причин рабства. Что же касается естественнo-исторического процесса зарождения и развития данного института, то он или вообще игнорируется, или же отодвигается на второй план.

Трудности, связанные с определением насилия, получают разрешение, если поместить его в пространство свободной воли и рассматривать как одну из разновидностей власто-волевых отношений между людьми. Кант определял силу как «способность преодолеть большие препятствия. Та же сила называется властью (Gewalt), если она может преодолеть сопротивление того, что само обладает силой». По-другому власть в человеческих взаимоотношениях можно было бы определить как принятие решения за другого, умножение, усиление одной воли за счет другой. Насилие есть один из способов, обеспечивающих господство, власть человека над человеком. Основания, в силу которых одна воля господствует, властвует над другой, подменяет ее, принимает за нее решения, могут быть разными:

а) некое реальное превосходство в состоянии воли, типичный случай – патерналистская власть, власть отца;

б) предварительный взаимный договор, типичный случай – власть закона и законов правителей;

в) насилие, типичный случай – власть оккупанта, завоевателя, насильника.

Так вот, насилие – не вообще принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, которые осуществляются вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Насилие есть узурпация свободной воли. Оно есть посягательство на свободу человеческой воли.

При таком понимании понятие «насилие» приобретает более конкретный и строгий смысл, чем если просто отождествлять его с властью или трактовать как вообще разрушительную силу. Оно позволяет насилие как определенную форму общественного отношения отличать, с одной стороны, от инстинктивных природных свойств человека: агрессивности, воинственности, плотоядности, а с другой стороны, от других форм принуждения в обществе, в частности, патерналистского и правового. Вместе с тем преодолевается свойственная этическому абсолютизму аксиологическая ловушка и вопрос об оправданности насилия остается открытым для рационально аргументированного обсуждения.

Проблема оправданности насилия связана не вообще со свободой воли, а с ее нравственной определенностью, с ее конкретно-содержательной характеристикой в качестве доброй или злой воли. Когда говорят об оправданности насилия, то обычно рассматривают только один аспект – против кого оно направлено. Но не менее важна и другая сторона –

кто бы мог, имея достаточные основания, осуществить насилие, если бы мы признали, что в каких-то случаях оно вполне оправданно. Ведь недостаточно решить, кто может стать жертвой. Надо еще ответить, кто достоин стать судьей. Вообще надо заметить, что самый сильный и никем до настоящего времени не опровергнутый аргумент против насилия заключен в евангельском рассказе о женщине, подлежащей избиению камнями. Кто, какой святой может назвать нам преступников, подлежащих уничтожению? И если кто-то берет на себя это право судить, то что мешает другим объявить преступниками их самих? Ведь вся проблема возникает из-за того, что люди не могут прийти к согласию по вопросу о том, что считать злом, а что добром, не могут выработать безусловные, всеми признаваемые критерии зла. И в этой ситуации нет другого позитивного, сохраняющего жизнь выхода, кроме как признать абсолютной ценностью самую жизнь человека и вообще отказаться от насилия. В свое время Эрнст Геккель, основываясь на естественных законах борьбы за существование, пытался обосновать справедливость и благотворность смертной казни, как он выражался, «неисправимых преступников и негодяев».

В рамках предложенного определения право на осуществление насилия могла бы иметь абсолютно добрая воля, а оправданием его применения могло бы стать то, что оно направлено против абсолютно злой воли, однако человеческая воля не может быть ни абсолютно (сплошь) доброй, ни абсолютно (сплошь) злой. И то и другое является противоречием определения абсолютно добрая воля невозможна, в силу парадокса нравственного совершенства, абсолютно злая воля невозможна, потому что такая воля уничтожила бы саму себя.

Ненасилие в отличие от насилия является не особым случаем иерархической связанности человеческих волн, перспективой их солидарного слияния. Его координаты – не вертикаль властных отношений, а горизонталь дружеского общения, понимая при этом дружбу в широком аристотелевском смысле. Ненасилие исходит из убеждения в самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле. Одно из часто повторяемых возражений против ненасилия как исторической программы состоит в том, что оно исходит из слишком благостного и потому реалистического представления о человеке. В действительности это не так. В основе ненасилия лежит концепция, согласно которой человеческая душа является ареной борьбы добра и зла. Как писал Мартин Лютер Кинг: «Даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла». Считать человека радикально злым – значит незаслуженно клеветать на него. Считать человека бесконечно добрым – значит откровенно льстить ему. Должное же ему воздается тогда, когда признается моральная амбивалентность человека.

Из постулата свободы человека вытекает как минимум два важных этических вывода. Первый – человек открыт добру и злу. Утверждение, согласно которому лучшее доказательство в пользу существования свободы воли состоит в том, что без нее нельзя было бы грешить, – больше, чем остроумное суждение. Оно просто умное. Второй – нельзя ответить на вопрос, что такое человек, не отвечая одновременно на вопрос о том, что он должен делать. Добро как и зло – не факт. Оно является делом выбора. Человек – не зверь. И человек – не Бог. Он – нечто среднее между тем и другим. Человек не тождествен самому себе. Человек – это путник. Важно не то, где он находится. Важно то, куда он идет, и сама эта готовность идти и дойти до конца.

Ненасилие как нормативная программа делает акцент на доброе начало в человеке, на то, чтобы усиливать его путем культивирования и сложения. Этим оно существенно отличается от насилия, как и в целом от властных отношений, которые направлены прежде всего на то, чтобы ограничивать, блокировать деструктивные, разрушительные

проявления человеческой свободы. Сознательно ориентируясь на добро, сторонник ненасилия, тем не менее, исходит из убеждения, что моральная амбивалентность является принципиально неустранимой основой бытия человека – он не исключает себя из того зла, против которого он ведет борьбу, и не отлучает оппонента от того добра, во имя которого эта борьба ведется. На этом построены принципы его поведения:

- а) отказ от монополии на истину, готовность к изменениям, диалогу и компромиссу;
- б) критика своего собственного поведения с целью выявления того, что в нем могло бы питать и провоцировать враждебную позицию оппонента;
- в) анализ ситуации глазами оппонента с целью понять его и найти такой выход, который позволил бы ему сохранить лицо, выйти из конфликта с честью;
- г) бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним;
- д) полная открытость поведения, отсутствие в отношении оппонента какой бы то ни было лжи, скрытых намерений, тактических хитростей и т.п.

Основная установка ненасилия – исправить отношения, превратить врагов в друзей, сделать так, чтобы предшествующее зло не стало абсолютной преградой для последующего сотрудничества. Ненасилие есть усилие, состоящее в том, чтобы выпрыгнуть из заколдованного круга ненависти и насилия, сменить основания выбора.